

Община Св. Великомученицы Екатерины ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ЛИСТОК № 4-2008

Валентин Прокопченко. Соната №3 "Серафим"

Впечатления от поездки на поставление Серафима (Панкратова) во пресвитеры

I. ALLEGRO VIVACE

Пятница, вторая половина дня, радостно вырываемся за городскую черту. Прибавляем ходу и с головой в бескрайние просторы полей. Поросль, еще бурая, грязной волной расходится от убегающей за горизонт дороги. Теплое солнце ласково освещает дорогу. Неделя мучительных решений, сборов, серой по городскому удушливой погоды позади. А теперь – только музыка события: радость встречи и печаль расставания, торжественность момента и курьезность несоответствия, красота вечных образов и уродство быта – и все это контрастно, ярко за полтора дня.

Дорога не оставляет нас ни на минуту наедине со своими мыслями. Все новые и новые черты проступают в окружающем облике, срывают с сознания остатки городской серости. Ослепительно-зеленые луга оттененные чернотой вспаханных полей, красивые холмы с домиками, лесочками, полями, весенние пробуждающиеся лиственные леса.

Наконец-то Сумы. Странное название, то ли добра у них много то ли печали, а может и того и другого. Но главное конечно то что ждет нас там не кто-нибудь, а целый Серафим. Останавливаемся возле духовного училища. Из стареньких белых жигулей показалась знакомая фигура, но черная. Улыбка обрамлена все тем же огнено-рыжим колером, но лицо немного бледное и уставшее, все та же походка, только слегка скована черной рысью.

- Привет отец, тебя еще можно обнять по старому.
- Привет, можно.
- Ты еще Воха или уже Серафим?
- Много изменилось, но и старого еще много.

Заходим в духовное училище. На лицо все атрибуты общаги: дежурная бабушка на входе, тусклая лампа в коридоре, едкий запах, строгие правила на стенке. Серафим зовет на второй этаж – экскурсия по учебной части. Большой класс, в центре пиюитры, фортепьяно, вокруг иконы. В центре класса открывается дверь, входим в знакомую атмосферу храма.

- В этом училище я окончил один курс – с ностальгическими нотками в голосе говорит отец Серафим – а в этом храме несколько лет был прихожанином, сюда и вся наша сумская община ходила.

- А кого это училище выпускает?

- Трудно сказать... курс такой же как в семинарии, в редких случаях выпускники становятся священниками...

Отпускаем отца отдохнуть перед ответственным днем, а сами в центр пить чай. Город встретил нас вечерними огнями, пустыми улицами, красивыми центральными храмами. После недолгих колебаний останавливаемся в мадональдсе, благо работает круглосуточно. Не успели усесться – звонит Андрей Мельник – уже в городе, едет к нам.

Далеко за полночь заканчивался наш день. Короткая молитва, ночные выкрики таксистов последние звонки приезжающих Андрейченков и постепенное угасание сознания. Завтра... завтра все состоится...

II. GRAVE

Сегодня торжественный день – Серафим должен стать иереем.

Встаем рано дружно. Суббота, пятое апреля, половина седьмого утра. Помолитесь собрались и на улицу. Там яркое утреннее солнышко, красивая пешеходная улица в центре города, все растущее торжественное шествие на центральный рынок. Вот уже приехал за нами Серафим. Сдержано улыбаемся, лица слегка бледны от короткого сна, чувствуется зарождающееся волнение. Садимся в машины и процессией выезжаем в сторону Мирополья.

Ведь именно там сегодня Серафим должен стать иереем.

Вот к нам присоединился автобус, в нем наши приехавшие поездом, вот еще присоединился маленький автобусик с благочестивыми старушками. Процессия все расширяется и уже не понять кто с нами, а кто нет, но все торжественно едем в Мирополье.

За Сумами дорога нас уже встречает живописным туманом, заливыми лугами, речушками, редколесьем, деревушками разбросанными по окрестным холмам. И почти в каждой величественный храм, часто неухоженный, со следами разрушений, но от этого еще более непобедимый. Неспешно въезжаем в сам городок. На центральной улице дореволюционные удивительно красивые кирпичные дома чем-то напоминающие подольскую архитектуру. В конце улицы еще одно удивление. Здесь, на краю света, почти на границе, в небольшом поселке в несколько тысяч душ – крупнейший и красивый храм. По размерам он показался мне не меньше трапезного храма Киево-Печерской лавры. Да и колокольня вполне может конкурировать по высоте с лаврской. Рядом еще один двухэтажный «теплый» храм поменьше.

Тут то и произойдет литургия за которой Серафим должен стать иереем.

Встречаем киевлян приехавших в автобусе. Неспешно осматриваем храм и окрестности. Фотографии храма, фотографии вместе, фотографии отца Серафима, еще фотографии. Оказывается настоятелем здесь отец Смарагд который Серафиму духовник, а теперь и восприемник в священстве. Оказывается храм уже очень старый, как впрочем и город, который был когда-то больше самих Сум. Нарастает нетерпение, нарастает движение, посещают последние сомнения: Почему все же так быстро, почему все же так круто, кому он будет отцом, хорошо ли ему будет? Нам «пророкам» долго еще ждать ответа, но ясен ответ который дал себе сам Серафим.

Он хочет Волю Божию исполнить и поэтому Серафим спешит стать иереем.

Местные прихожанки неспешно готовятся – каравай, соль, цветы епископу, Серафим тоже – клобук, мантия – не узнать уже. Вот появляется машина епископа. Короткий всплеск беготни и суеты и снова все спокойно и торжественно – встречаем епископа. Начало службы, красивое одnogолосое пение. «Благословенно Царство...», «Миром Господу помолимся», «Благослови душе моя Господа...». Все вместе входим в литургию. Слово об исцелении гугнивого, проповедь, херувимская. Серафим выходит накрытый покровом.

Потому что именно сейчас будут поставлять Серафима в иереи.

И вот началось: «Божественная благодать, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая пророчествует сего достойнейшего диакона Серафима во пресвитеры. Помолитесь убо о нем да снидет на него благодать Всесвятаго Духа...». Наконец выходят на солею и взрывается: «Аксиос! – достоин!». Все участвуют, все поют.

Епитрахиль – Аксиос! Аксиос! Аксиос!
Фелонь – Аксиос! Аксиос! Аксиос!
Крест – Аксиос! Аксиос! Аксиос!
Службеник – Аксиос! Аксиос! Аксиос!
Свершилось! Серафим стал иереем!

Двигается дальше литургия, приближается к завершению, заканчиваются и силы. На целовании креста уже даже не хватает мочи чтобы высказать заготовленное поздравление. Дальше освящение новых колоколов, праздничный стол, постепенно спадает накал и торжественность праздника. Дожидаемся пока Серафим выйдет из-за епископского стола.

Прощай и держись Серафим теперь ты иерей.

III. SCHERZO

Едем домой, в голове вихрем проносятся картины прожитого дня и досадная «грустинка» обнаруживается на дне этого вихря.

Каждое столкновение с нашим церковным бытом все еще заставляет меня остро переживать ту бездну которая лежит между тем что мы есть и тем чем мы должны быть. Как Бог может действовать в таких условиях? Поистине только Ему это и возможно.

На этот раз мои мысли оттолкнулись от проповеди за литургией. Проповедь была длинной (для нас это привычно), мыслей было сказано много и все они идеальной формы. Правда засушены они были до такой степени, что стали похожи на тараньку которую неспеша насаживают на длинную веревку. Выходит очень здорово, только без пива это все никак не съест. Несколько мыслей правда запомнилось и кое-что в них поразило.

- а) «Христианство исчезает из нашей культуры».

Сущая правда! Только культуре в этом случае бывает очень сложно, потому что мы к ней повернуты таким неприличным местом, что даже и назвать его стыдно. Какой самовлюбленный пафос в наших действиях, какое истерическое цепляние за эпоху над могилой которой уже давно завяли цветы. Хвалы царское семье, непонятный обывателю язык, целование руки, владыко. Это взаимное феодально – вассальное поведение и жесты. Недаром большинство в нашей церкви – младенцы во Христе в возрасте 50-70, которые пришли от боли, а не искания Христа. «Молодежь не интересуется просто» - неправда, она интересуется, потому что в человеческой природе заложено таким интересом, и идет куда перейдет, к протестантам, кришне, бутылке, туда где не нужно перепрыгивать через высоченные заборы отчуждения.

- б) «Нужно заботиться о том чтобы вначале исцелиться самому, а потому уже понимать как исцелить других, по евангельскому слову «врачу, исцели себя сам».

Удивительно злую шутку играет с нами наша забота о «благочестии». Какое страшное преобладание формы над содержанием. Как мы, пускай невольно, показываем всем что нам неважно что внутри, а важно как мы выглядим. Грубое отношение к гостям в училище, конечно во имя «благочестия», откровенно грубое отношение к поставляемому, конечно же во имя «благочестия», суетливая ипподиаконская забота о пуговицах, фотографировании и прочих искомно «литургических моментах» и т.д.

Впрочем родная и веселая компания скоро отвлекла меня от мыслей о злых шутках. В конце концов главное – мы едем домой!

IV. FINAL MODERATO

Усталые измученные добрались домой. Все приехали, все целы, все совершилось. Что же осталось после поездки? С этим вопросом пришлось мне жить до самого утра следующего дня. Но вот воскресная литургия все разрешила. Встречаю участников поездки и уже невозможно сдержать взаимных улыбок. А ведь мы рады друг друга видеть! Жаль невозможно сейчас быть между нами отцу Серафиму, но мы точно ему обрадуемся когда он придет. Может Господь помилует нас и эту радость друг о друге уже никто не отнимет у нас.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

ГРИГОРИЙ НИССКИЙ (†около 394)

Куда менее понятный, нежели два остальных каппадокийца, непризнанный по сравнению с ними до последнего времени, Григорий Нисский лишь теперь встает перед нами в полный рост. Звезда его сияет все ярче. Надо надеяться, что справедливость, наконец, восторжествует и его признают учителем Церкви. Сколько уже признанных и не столь достойных учителей сочли бы за честь принять его в свои ряды!

Если Василий прежде всего деятель и правитель, а Григорий Богослов - ритор и поэт, то Григорий Нисский - мистик, первый, после Оригена, великий богослов и духовидец Церкви. Брат Василия, он рос в том же доме, но дети из одной семьи вовсе не обязательно похожи. В семье Макрины дети удались на славу: трое сыновей - епископы, четверо святых. Каков список! Но увы, полная неудача со вторым сыном: он начал как аскет, а кончил весьма прискорбно.

Григорий во всем отличен от своего брата, тот несомненно его несколько подавлял и, возможно, был причиной его невольной приниженности. Чтобы воздать ему должное, попытаемся взглянуть подробнее в обстоятельства его жизни.

ЖИЗНЬ

Мы мало знаем о его юности, о его увлечениях. Григорий не любил рассказывать о себе. Родители сочли, что с них достаточно затрат на образование Василия, и Григорий не выезжал из Каппадокии, был учеником кесарийской школы. Вряд ли он был любимым сыном. Кажется, его прочли в священники. В юности он много читал. Отчего он предпочел духовному чину карьеру ритора: была ли это неуверенность в себе, желание утвердиться как личность, по переменчивости зыбкой натуры? Трудно сказать. Кажется, он поддавался соблазну языческой культуры, точнее, попал под влияние Ливания, особенно возвысившегося при Юлиане.

Григорий женился на некоей Феосевии, широко образованной женщине замечательной духовной чуткости; пламенная приязнь соединила его с нею на всю жизнь. Подобно Иларию Пиктавийскому, он сочетал епископство с супружеской жизнью.

Не следует придавать слишком большое значение тому, что в трактате о непорочности он укорял самого себя за избранный «горный путь»: упреки эти скорее патетического свойства. Риторика он забросил, но в браке остался. Он оставался женатым человеком и после 371 г., когда брат возвел его в сан епископа городка Нисса в восточной Каппадокии. Супружеская жизнь, по-видимому, нимало не стесняла его духовного развития, как не стесняла она и Иларию Пиктавийского. Феосевия умерла в 385 г. До нас дошло письмо с соболезнованиями, направленное Григорию епископом Назианским, который называл покойную «подлинной святой и истинной супругой священнослужителя». Григорий Нисский признавал законность радостей супружества, описав их самым трогательным образом. Его последующие сомнения насчет тела и сексуальной жизни возникли, вероятно, не из собственного опыта, а как результат философского мышления, проникнутого платонизмом.

Прочие подробности жизни Григория нам почти неизвестны. Видимо, он жил с Феосевией вдали от активной мирской деятельности, предавшись занятиям и жизни духовной, но не желал разделить и отшельничества брата Василия, несмотря на все его призывы. Он остался в лучших отношениях с Макриной, хранительницей духа семьи, был сильно к ней привязан. Она главенствовала в женской общине неподалеку от Ниссы. Григорий называл ее своей духовной наставницей. Он описал ее жизнь и смерть, которой был свидетелем, в небольшом глубоко прочувствованном сочинении.

Все это время, после 371 г., Григорий возглавлял нисскую епархию. Он принял ее «по принуждению», как сам сообщает, своего брата Василия. Тот не особенно доверял способности брата к руководству. К тому же Григорий был не слишком расположен сглаживать напряжение между Василием и дядей-епископом, который, в свою очередь, замирял брата с Григорием Богословом. Но Василию прежде всего нужны были люди, надежные с точки зрения ортодоксии. Григорий производил на всех впечатление своими богословскими познаниями. Дипломат он был посредственный, но веры держался твердо, а ученость его была повсюду признана. Во времена арианских раздоров это было важнее всего.

Крохотное епископство Нисское само по себе никакого значения не имело. По нынешним временам тамошний епископ был бы не более, чем настоятелем. Григорий согласился принять должность крайне неохотно. Он даже жаловался, что его сослали «в пустыню», и жители городка удостоились от него самой суровой оценки. Был он, однако, епископом ревностным, преданным пастве, которая его высоко чтит. Этот богослов и мистик умел говорить напрямик и обучать без обиняков. Его проповедь на Богоявление представляет собой образец такта, дружелюбия и назидания, приспособленного к народному слуху.

Григорию пришлось претерпеть свое от ариан. Чтобы опорочить его, те выдвинули обвинение в расточительстве церковного имущества. Обвинение забавное, если вспомнить, что он всегда держал сторону бедняков. Он был смещен и не мог вернуться на епископский престол, пока не умер император Валент (378 г.). Городок встретил его ликованием. Под впечатлением от встречи с паствой он писал: «Приязнь свою они мне хоть и выказали донельзя, но рот не заткнули».

По смерти Василия Григорий стал наследником своего брата в богословии и монашестве. Эта утрата словно бы придала ему уверенность. С этих пор ему предстояла первостепенная роль защитника православия. Василий мешал ему по-настоящему развернуться и, вероятно, не ценил его по справедливости. Характеры их были слишком несхожи, и сдержанный по натуре Григорий никогда не стал бы самоуверенно считать себя за счет брата.

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрации: Фото главной улицы города Иераполиса (основан в 190 году до н.э.), расположенного в области Каппадокия.

СОЧИНЕНИЯ

Григорий предался сочинительству. Его первое произведение «О сотворении человека» было завершением проповедей брата о творении. Он развивал в нем христианскую антропологию, преисполненную влияния платоновской физиологии. Мысль его развивается скорее концентрически, нежели логически, отступления следуют одно за другим. Автор увлечен богословским учением о человеке, образе и подобию Божию: «Человек не есть некое чудо подлунного мира, но реальность, несомненно превосходящая все познанное нами, ибо он, единственный из существ, подобен Богу». Григорий замечательно выявляет единство человечества: мера человечности исполнится лишь с тем последним рождением, которое во Христе разрешит полноту человечества.

В 379 г. Григорий участвовал в соборе, задачей которого было сближение Востока и Запада. Ему поручили проверку церквей по берегам Понта Эвксинского. Севастьян, из Армении, просил его остаться у них епископом. Сошлись на том, что у них останется брат его Петр. В 381 г. Григорий вместе с другим Григорием, Богословом, был призван на Константинопольский собор. Это была вершина его жизненного пути. Он произнес вступительную речь. Император назначил его блюстителем ортодоксии во всех епархиях Понта Эвксинского. В этом звании он должен был проверять надежность епископов: смещать ариан и водворять приверженцев Никейского символа.

Именно в эти годы - в точности неизвестно когда - облеченный императорским доверием Григорий возглавлял несколько миссий. Он побывал и в Аравии, и в Иерусалиме. Императорское доверие, однако, не сделало его ни более дипломатичным, ни менее суровым. Столь умеренный в речах, Григорий в письмах резок и язвителен, особенно когда описывает паломничество в Иерусалим: «Безобразий, - пишет он, - здесь куда больше, нежели благочестия. Лучше быть простым отшельником, чем показным паломником».

К этому времени относятся важнейшие догматические сочинения, на которых зиждется его богословский авторитет, да и вообще его слава. «Большой катехизис» - теоретический свод основных истин вероучения, учебник догматики, основанный на трактате Оригена «О началах», однако отнюдь не вслепую ему следующий. Произведение это обнаруживает крепость метафизического мышления Григория Нисского. Примерно в то же время написано и «Житие Макрины», о котором речь уже шла.

Григорий мыслит совершенно самостоятельно и ничуть этого не скрывал, что порою осложняло его отношения с преемником брата. Требовалось немалое смирение, чтобы признать явное превосходство подчиненного; а смирения архиепископу как раз не хватало. Поэтому сплошь и рядом возникали разногласия.

Все это время Григорий был на вершине ораторской славы. Приподнятый слог и риторический блеск его красноречия, чрезмерные на наш сегодняшний вкус, пленяли тогдашний Константинополь. В эти же годы он познакомился с одной из замечательных женщин, св. Олимпиадой, впоследствии она была адресатом многочисленных писем Иоанна Златоуста. К этому же периоду его жизни относятся ряд знаменитых надгробных речей, в том числе проповедь на смерть юной царевны Пульхерии с описанием скорби, охватившей императорский двор; возможно, именно она вдохновила классические ламентации Боссюэ. Он же говорил над гробом императрицы Флаксиллы.

Затем его слава померкла перед восходящей звездой юного Иоанна Златоуста - как раз тогда он явился в первом блеске. Григория постепенно забывали, он оказался оттесненным на задний план и был глубоко этим уязвлен, что, разумеется, его не красит.

Освобожденный от многих обязанностей, Григорий углубился во внутреннюю жизнь, обратился к самосовершенствованию и мистическому богословию. Сочетая опыт с размышлением, он достиг в этой области несравненной авторитетности и самобытности. В этот период им написаны замечательные сочинения «Жизнь Моисея» и «О Песни Песней», к ним примыкают толкование на «Отче наш» и трактат «О блаженстве» - шедевры мистического богословия. Развивая в духовном плане заветы брата, он разработал оказавшееся весьма ко времени мистическое учение о монашестве (главным образом, в книге «Об уставе христианском» De institut christiano).

К этому времени Григорий достиг, как он сам выразился, «седовласого возраста». Вслед за Оригеном он описывает - в живых образах книг «Жизнь Моисея» и «О Песни Песней» - духовное странствие как непрерывный путь совершенствования и очищения, орошающего душу все новыми приливами благодати. - и так до полного самоотвержения. Он пишет о трех уровнях духовной жизни: просветлении, мгле и тьме, - и от него эти определения перешли к духовным писателям Средних веков. В своем полном самоотречении человек раскрывается Богу, воодушевленный чистой любовью, и становится признан свыше другом Божиим, «в чем для меня и есть свершение жизни». Здесь мыслитель идет рука об руку с мистиком, и умозрение опирается на опыт. Возгласы, которые исторгает его душа, как бы предвещают упоение св. Терезы из Авилы.

В 394 г. Григорий в последний раз участвовал в делах очередного собора. Умер он, должно быть, вскоре после этого, возможно - в 395 г. История была несправедлива к Григорию Нисскому, имя его нередко упоминалось лишь в связи со спорами вокруг наследия его учителя Оригена. То и дело упускаемый из виду, не всеми и не всегда оцененный по заслугам, Григорий остается одним из самых серьезных мыслителей той эпохи, богатой богословскими умами.

Трудно представить жизненный облик Григория, человека, крайне скупого на автобиографические признания. Даже письма мало говорят о нем как о человеке. Тем отчетливее обнаруживается его духовная независимость при описании паломничества. Он весьма наблюдателен и начисто лишен даже доли того лицемерия, коим часто бывают отмечены религиозные люди. По натуре он замкнут, скрытен, сдержан. Обычно он не выдает своих чувств, но иной раз они прорываются. В нем нет и намек на житейскую практичность, порой он просто неуклюж. При жизни Василия он не хотел и не мог как бы то ни было утверждать свою личность. Став полновластным хозяином собственной мысли и освободившись от шор, он оказался на высоте событий и своей ответственности. Полная зрелость и расцвет способностей совпали с моментом, когда пришлось удалиться со сцены. Ко времени самоотречения и духовной углубленности, т. е. времени полноты и жатвы, все обольщения исчезли: перед ним открылся крутой путь, ведущий к Богу.

Василий и Григорий Богослов затмевали его. Он из тех людей, кто становится тем интереснее, чем ближе их узнаешь; для случайного знакомца они закрыты, но внимание и прилежание принесут свои плоды. Он был проникнут платонизмом больше всякого другого Отца церкви, прочитал всех доступных ему языческих авторов, и это вызывало весьма неоднозначное отношение к его произведениям.

Приходится признать, что в слоге он был не слишком силен. Ему не довелось понатореть в университетских изысках, как два его соревнователя. Он был самоучка, «собственный воспитанник». Фраза его тяжела, перегружена смыслом, речевой строй беден. Он не владеет магией слова, в риторике его ощущается зависимость от школьных рецептов софистики. Стиль его - особенно ораторский - весьма мало соответствует богатству его природы. Это тот случай, когда стиль заслоняет от нас автора.

Сила Григория - в энергии его мысли и в углубленности его богословских поисков: тут он превосходит и Василия, и Назианзина. Он - один из самых оригинальных мыслителей в истории Церкви. Никто из Отцов IV в. не сумел так убедительно применить философию к глубинному постижению тайн откровения. Григорий испытал влияние платонизма, но сумел отрешиться от него, когда понадобилось явить благую весть христианства во всей ее первозданности. Он сравнивает языческую философию с дочерью фараона, пораженной бесплодием. Примерно то же он говорит о философии, не просветленной откровением: «Пока она не познала Бога, лишь выкидыши - ее удел». Для него источник истины - Писание. Подобно своему учителю Оригену он черпал вдохновение в Слове Божиим.

В довершение всего, Григорий - родоначальник мистического богословия. Положим, он черпал и у Оригена и его последователей, но черпал свободно, оставаясь духовно независимым. Ему по праву принадлежит важное место в истории духовного развития человечества, но это место и поныне за ним не закреплено. Он связующее звено между Филоном и Плотинем и между Дионисием Ареопагитом и Максимом Исповедником. Не подлежит сомнению его глубокое влияние на восточное монашество. В Средние века на Западе, комментируя псевдо-Ареопагита, немало не сомневались, что он идет по прямой линии от Григория. Таким-то образом, в чужом облачении, епископ Нисский и проник на Запад.

Григорий иллюстрирует примерами из Писания перемену жизни под влиянием крещения. Незирая на демонские искушения, нам должно вести себя, как пристало сынам Божиим, и переменить свой образ жизни.

НА ПРЕСВЕТЛОЕ ПРАЗДНЕСТВО

Закончим же свидетельствами Писания. Речи нашей не будет конца, впрочем, если мы восхотим все перечислить и разом собрать воедино. Все вы, восславляющие дарованное новое рождение, гордые своим обновлением и спасением своим, явите же мне перемену в ваших нравах, по приятию вышней благодати; дайте мне узреть в чистоте вашей жизни, сколь подвигнуты вы к совершенствованию. Что ощутимо чувствами, то не меняется, и телесная форма пребывает, и в зримом природном составе нет перемен.

Необходимо нам, однако же, подтверждение, обличающее возрожденного человека; нужны знаки, дабы отличить нового человека от прежнего. По моему разумению, знаком является свободное устремление души, порывающей с прежней жизнью, дабы воспринять новую, и всякий истинный очевидец ясно распознает перемену и бесследное исчезновение прошлого.

Вот так свершается преображение, и надлежит вам внять мне и на деле последовать моим словам. До крещения человек сей был неводержан, жаден, вороват, пристрастен, лжец, клеветник, ив остальном не лучше. Нынче же должно ему стать умеренным, довольным скромным достатком, готовым поделиться с

бедняком, ревнителем истины, заботливым и приветливым, - словом, во всем склоняться к благолюбию. Как свет изгоняет тьму и белизна побеждает черноту, так от дел праведности уничтожается прежний человек. Ведомо же вам, как Закхей премоноу жизни перестал быть начальником мытарей и воздал вчетверо тем, кого обидел, и раздал беднякам прежде отнятое у них.

И другой мытарь, сподвижник Закхей евангелист Матфей, после избрания своего сбросил прежнюю жизнь, как пустое обличье. Павел был гонителем, и благодатью Божией соделался апостолом, и во имя Христово носил в знак искупления и покаяния на себе те цепи неправедные, которые препоручил ему закон, дабы преследовал принявших Евангелие.

Вот так-то и должно представлять в новом рождении, отрицаясь греховных обыкновений, так-то и должно жить сынам Божиим, ибо по благодати соделаны таковыми. И надлежит нам прилежно созерцать Творца нашего, дабы уподобиться Отцу и стать законными и истинными сынами Того, кто по милости Своей усыновил нас. Сын неверный и падший, попирающий в жизни своей величие отца, есть живая укоризна. Вот почему, кажется мне, и сказал Господь ученикам в Евангелии Своем, что ожидается от нас: «...благоотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф 5, 44 - 45). Станете детьми, говорит Он, коль станете причастны благодати Отца, являя в поступках своих и отношении к ближним благодать Божию.

Поэтому-то нас, облеченных сыновним достоинством, диавол и осаждает сугубо, ибо терзает его ревность, когда зрит добродетель нового человека, шествующего в чертоги Небесные, ему, диаволу, заказанные. Он разжигает в вас адские искушения и силится совлечь с вас новый облик и стать вашим владыкой по-прежнему. И заметивши такие его поползновения, надлежит нам повторить слова апостола: «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились» (Рим 6, 3).

Если же умерли мы, то и грех умер с нами, пронзен копьем, подобно как Финеес в ревности своей пронзил блудодея. Изыди же, презренный, ибо ищешь терзать мертвеца, раба твоего давешнего, коему похоти стеснили рассудок. Мертвецу же нет прельщения в плоти, нет соблазна в богатстве, мертвец чужд клеветы, мертвец чужд лжи, не зарится на чужое и не попирает ближних.

Я переменяю жизнь свою. Я научился презрению к миру, пренебрежению к благам земным; я възую благ вышних. Сказано у Павла: «Для меня мир распят, и я для мира» (Гал 6, 14). Вот глас души, возрожденной истиной, вот как изъясняется новый человек, памятующий об исповедании веры своей перед Богом, осиянной таинством и повитой обетом не жалеть трудов и не искать наслаждений во имя любви к Нему.

Речей сих достаточно в ознаменование праздника, первого в новом году. Подобае закончить поучение наше обращением к Тому, Кому обязаны мы сим даром, дабы смиренно возблагодарить Его за столькие благодеяния.

Молитва

Поистине Ты, Господь, есть неисчерпаемый источник всякого блага, Ты, по справедливости отвергнувший нас и по милосердию на нас призревший. Ты возненавидел нас и примирился с нами, Ты проклял нас и нас же благословил; Ты изгнал нас из рая и открыл нам туда путь; Ты сделал нашим убогим одеянием жалкие фиговые листки и набросил нам на плечи царственный наряд; Ты отверз темницу и освободил осужденных, Ты окропил нас чистою водою и омыл нас от скверны нашей.

Отныне и Адаму дозволено не бежать в стыде от лица и зова Твоего и не укрываться в райских кущах от тяжких укоров совести. И пламенный меч не заслоняет более райские врата и не препятствует влекущимся к раю. И все пременялось к радости для рабов греха, и открылись человеку отныне райские и небесные уголья. Тварь земная, отделенная от творения сверхъестественного, обрела с ним дружественное единение; и мы, люди, приравнены к ангелам, стали соучастниками в едином познании Бога.

Так воспоем же Господу радостный гимн, излившийся однажды из вдохновенных уст:

Возвеселится душа моя о Боге моем:

ибо он облек Меня в ризы спасения...

как на жениха, возложил венец

и, как невесту, украсил убранством (Ис 61, 10).

Украсил невесту ни кто как Христос, Суций, Бывший и Будущий, благословенный ныне и во веки веков. Аминь.

КОЕ-ЧТО О СОБОРОВАНИИ

Есть в нашей церковной жизни какие-то моменты, которые, по размышлении, вызывают сомнения в своей целесообразности. Иногда проходит немало времени, прежде чем эти сомнения находят себе подтверждение (или бывают развеяны, что тоже случается). Так, три года назад я писал кое-что о массовом соборвании, бывающем в наших храмах Великим постом, но лишь недавно узнал, откуда происходит эта традиция.

Вот как об этом говорит д. Михаил Желтов:

«Суть дела состоит в том, что была такая старая русская (дониконовская) традиция - устраивать Елеосвящение в Великий четверг перед литургией (откуда взялась - точно не знаю; можно предположить какую-то архаичную и общую для Востока и Запада практику или же просто латинское влияние - на Западе в древности Великий четверг был днем принятия кающихся и, так сказать, общей исповеди). О самой этой традиции пишет Красносельцев в своих «О службах Русской Церкви, прежде бывших в употреблении» (или как-то так; это продолжение аналогичного труда прот. Никольского).

Такое общее Соборвание бывало только в кафедральных храмах и в соборных храмах больших монастырей, но не на приходах.

Чин общего Елеосвящения отличался от чина при совершении таинства Елеосвящения над болящим -

духовенство быстро прочитывало подряд все последование без семикратно повторяемой молитвы, а в конце читали эту молитву и весь народ проходил - как на всенощной - мимо помазавшего (один раз и только лоб!) архиерея и помогавшего священника, возлагавшего на каждого Евангелие.

Таким образом, чин общего Елеосвящения - не тот же, что при Елеосвящении над больным, и участвуют в этом не больные (которые дома сидят), а здоровые люди. Поэтому прот. Архангельский, автор одной из наиболее обстоятельных старых книг о Елеосвящении, даже прямо заявляет, что это всенародное Соборвание - это как бы и не таинство, в отличие от Елеосвящения над больным.

К 1917 году в Москве такое всенародное Соборвание продолжало совершаться в Успенском соборе (и только в нем!).

В последующие годы оно прекратилось, а вот во второй половине XX века начало «возрождаться» - но только с существенными отличиями. Духовенство, исходя из отдаленных представлений о том, «как это было», но не удосужившись заглянуть в книги (хотя бы в Чиновник Успенского собора, незадолго до революции издававшийся), стало совершать общее Соборвание совершенно нетрадиционно:

а) не только в Великий четверг, а вообще постом (никогда в Церкви такого не было! Каково бы ни было происхождение общего Елеосвящения,

его смысл - в подчеркивании покаянного аспекта Великого четверга). Больше того - сейчас в Москве не найдешь хоть одного храма, где общее Соборвание совершалось бы, как положено, в Великий четверг.

б) с семьей, а не одним помазанием (причем с помазанием разных частей тела) - это страшно удлиняет чин при наличии многих соборваемых.

в) где только душа изволит, а не только в кафедральных храмах.

Так что тут проблема.

У греков общее Соборвание совершается на Афоне и в других подражающих афонскому укладу монастырях. Оно бывает по тому же чину, как и раньше на Руси - с одним только помазанием в конце. И естественно, во всем посту совершается только в Великий четверг (но по подражанию Великому четвергу в XX в. афониты ввели еще и соборвание в навечерие Рождества Христова).

К сказанному от себя хотелось бы добавить, что, по моим наблюдениям, на таких соборованиях храм наполняется обычно теми же людьми, что приходят только «посвятить» куличи да набрать крещенской водицы, так что несложно понять, чьим представлениям и вкусам угождает Церковь во время этого действия.

Автор - anchoret-lander

Из блога автора - <http://anchoret-lander.livejournal.com>

Еп. Михаил (Грибановский)

О МЕЧТАТЕЛЬНОСТИ

Дорогая А.Ф. Я теперь все работаю над воспроизведением жизни и характера Христа. И знаете ли, что больше всего мне бросается в глаза, конечно, помимо всех родов высоты и чистоты, это — полное отсутствие мечтательности: порывов к фантазийному, фиктивному. Это — величайший реалист. Он только видит и исполняет то дело, которое у Него сейчас под руками. Он не рвется вширь, а работает в глубину над теми, кто сейчас около Него: никогда ни одного сочиненного, общего слова: каждое вызывается сейчас представившимся конкретным случаем. Даже нет ни одного сочиненного сравнения, каждое из них взято из окружающей Его в данную минуту обстановки; за обедом Он — и сравнения, взятые отсюда; в поле Он — и образы отсюда; на небе облака, и Он пользуется этим; скоро зайдет солнце и настанет тьма — Он применяет к Себе. Просто удивительно. У Него решительно нет ничего искусственно сочиненного, ни одной фикции ни в слове, ни в чувстве, ни в поступках. Он на каждом шагу воспринимает реальную среду, реальную обстановку, реальное настроение окружающих лиц — и сейчас же всецело воздействует на них.

Мы всегда живем где-то, всегда думаем и мечтаем о чем-то или из прошедшего, или из будущего: настоящее как-то скользит по нас, оно только между прочим и никогда не исчерпывает нас, уплывает от нас. У Него решительно этого нет. Он всецело воздействует на настоящее: у Него нет ни одного порыва к беспредметному, ни одной нотки неудовлетворенности; весь мир перед Ним, и Он действует в тесной среде, отвергнутый всеми, непонимаемый никем, и действует

с полной бесконечной удовлетворенностью. Даже будущее является Ему как неизбежное настоящее, как определенная Богом реальность. И Он говорит об этом Своим ученикам просто как о факте, имеющем быть...

Такое отсутствие пустой рефлексии, мечтательности, порывов, неудовлетворенности настоящим делом и стремления к чему-то будущему, — отсутствие всякой такой фантазийности, сочиненности, по-моему, это одно из величайших чудес, если не самое великое...

И оно поразительно особенно для нас, людей этой фиктивной эпохи, людей все рвущихся к чему-то, мечтающих, рефлектирующих, копающихся и совсем не живущих настоящей реальной жизнью, не работающих над тем, что сейчас у нас под руками, не удовлетворяющихся никаким делом, все кажущимся нам мелким и ничтожным... В каждую былинку можно вложить бесконечность, а мы и всем миром, пожалуй, не удовлетворимся...

У нас широкие размахи; скорбь — так мировая, а рядом живет несчастный — мы не бросим ему взора или слова любви; нравственность — так абсолютная, а сами пьем, грязним себя злыми чувствами и нисколько не замечаем этого...

Ах, все это я пишу потому, что видел и вижу сейчас и на каждое слово свое могу сказать несколько примеров, да и на самом себе вижу этого беса. Это мечтательство, эти порывы куда-то, все это диавольский клапан, через который уходят наши силы, наша способность работать над тем реальным делом, которое сейчас, сию минуту есть у нас и просит нашего труда, нашего подвига, нашей любви... Потому-то мы рвемся вдаль, что не умеем работать около себя; потому-то мы и мечтаем о любви

ко всем, что не умеем любить действительно тех, кто около нас; потому-то мы и живем в будущем, что не умеем жить в настоящим. И потому-то настоящее уплывает, уходит от нас таким же худым, как было. Мы не улучшаем его своей любовью, своим трудом. Окружающие нас люди не чувствуют нашего света, а мы, ленивые, нерадивые рабы, утешаем себя мечтами, порывами, мы любим что-то, мы работаем над чем-то... но к сожалению, все это фантазии, то есть в пустоте...

Ах, дорогая моя, любите Лизу, держитесь за нее — это реальнейшее, святейшее дело. Не рвитесь куда-то. Право, это призрак, который отнимает у Вас реальные силы. Читайте то, что должно помочь Вам и в Вашем действительном деле; посмотрите, ведь тут хватит материала на сотни жизней. Лиза вырастет, и Вы всю свою любовь должны направить к правильному расцвету всех ее духовных и физических сил, сколько здесь чудного, прекрасного, сколько знаний, сколько самоотвержения... Весь мир не стоит человеческой души. И она под Вашим призором, под Вашим воздействием...

О, эта фантазия! Я просто чувствую ужас перед ней. Это величайший враг. Все раскидываешься, рвешься, а то, что под рукой, проходит без нашей любви, без нашего подвига... Нет, нет, дорогая моя, боритесь и Вы, ради Господа, с этой жаждой пустых порывов... Реализм, величайший реализм — вот что говорит нам Христос, и мы должны подчиниться, должны себя переломить во что бы то ни стало. Нечего мечтать и воображать себя такими-то и такими-то... нужно любить и работать, что есть перед глазами и руками и тут сосредоточить все свои лучшие силы...

Источник - "Православная община" №24 1994 г

В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля, на 93-ем году жизни скончался старейший по хиротонии клирик Русской Православной Церкви Московского патриархата, профессор-протопресвитер, доктор богословия, отец Виталий Боровой.

Москва, 10 апреля, Благовест-инфо. В день отпевания протопресвитера Виталия Борового, 9 апреля в Богоявленском Патриаршем соборе в Елохове, своими воспоминаниями о почившем поделились с «Благовест-инфо» священнослужители и миряне.

О. Владислав Каховский, настоятель храма Всех святых (Мытищи):

У меня к о. Виталию особое отношение: батюшка для меня был не просто духовным наставником, но он мне как отец родной, у меня к нему сыновнее чувство. Я причащал его за несколько дней до смерти, в четверг (3 апреля, а о. Виталий скончался 7 апреля — прим ред.), а вчера читал Евангелие у его гроба — и чувствовал что-то особое: такое чувство я испытал только один раз, у раки с мощами моего святого покровителя в Сербии.

Никогда в жизни не встречал человека, который до такой степени глубоко проникал во все вопросы жизни, Церкви, мира и т.д. О. Виталий — удивительно основательный человек. То, что он открыл, даже не столько в книгах, но в своих проповедях, беседах — это дало возможность каждому человеку разрешать себя по отношению к Церкви, к Богу, к обществу. Его кончина — это не потеря и не утрата, это приобретение и только подтверждает, что у Бога все живы.

Прот. Владимир Воробьев, ректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета:

Отец Виталий Боровой всю свою долгую жизнь посвятил Церкви. Его служение было многообразным, ... и на всех местах своего служения он всегда горячо защищал интересы Церкви.

Отец Виталий был человеком смелым и талантливым, очень ярким, глубоко и широко образованным. Это один из лучших богословов XX века. Все, кто его знал, относились к нему с большим уважением и любовью. На протяжении многих лет он был членом ученого совета Православного

Свято-Тихоновского гуманитарного университета и, как мог, участвовал в его заседаниях, выступал на защитах диссертаций.

Виктор Котт, преподаватель Свято-Филаретовского православно-христианского института, близко общавшийся с о. Виталием в последние годы:

О. Виталий — настоящий исповедник веры. Вся его жизнь — свидетельство глубочайшей веры в Церковь. Он всегда верил в возрождение Русской Православной Церкви. У него был план по возрождению Церкви, он очень этого хотел и продумывал.

В то же время, он прекрасно понимал, что возрождение Церкви и борьба за единство христиан — это, в своей глубине, одно и то же. Не очень большие надежды он возлагал на богословский диалог, считая его вспомогательным, а имел в виду прежде всего — полноту общения даров, чтобы все духовно живые силы общались между собой во всем христианском мире.

Елена Майданович, переводчик, редактор и издатель трудов митрополита Антония Сурожского:

Я глубоко уважаю о. Виталия. Я не так часто встречалась с ним лично, но могу сказать о его абсолютной честности. Даже в советское время он говорил некоторые рискованные вещи, которые не могли позволить себе другие. Он никогда не сомневался, что будет возрождение Церкви, только опасался, что церковный народ будет не готов к этому.

С митрополитом Антонием они глубоко уважали друг друга, встречались и здесь, и в Женеве, где о. Виталий долго работал как представитель Русской Церкви.

О. Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института:

О. Виталий — прежде всего, человек верный — Богу, Церкви, своему служению. Он свой путь выбрал

раз и навсегда и прошел его достойно, несмотря на все перипетии и угрозы, и завершил достойно. Это, действительно, «человек-эпоха», но что это значит — станет вполне понятно тогда, когда мы узнаем его труды, которые пока неизвестны. Подлинная его глубина — и человеческая, и богословская, и даже церковно-политическая, — она откроется позже, когда, как он надеялся, откроются все архивы.

Мы близко познакомились в 1974 г., был моим духовным учителем. Он был человек духовный, не боялся критики в свой адрес, не боялся себя смирать — искренне, не просто стилизоваться под православие. Он прекрасно знал, что нужно делать для возрождения Церкви, однако все пошло не так, как он предполагал, и его это очень расстраивало в последние годы. Я причащал его в день 92-летия — это радость для меня. Благодаря таким людям восстанавливается преемственность, что не очень просто в наше время.

Евгения Трошина, главная сестра Свято-Пантелеймоновского сестричества:

Деятельность нашего Свято-Пантелеймоновского сестричества началась с того, что Святтейший Патриарх благословил нас осенью прошлого года ухаживать за о. Виталием. Он нам такой родной батюшка, стал полноправным членом нашей общины, и мы теперь будем просить его о предстательстве за наше сестричество.

Общение с ним было очень полезным для сестер, он нас многому учил — прежде всего, любви между собой. Он так достойно нес свое болезненное состояние: был кроток, смирен, послушлив, ухаживать за ним было легко. Такое ощущение, что у его одра нам сослужили ангелы — по его молитвам, по молитвам всей полноты Церкви, что особенно ощущается и на отпевании.

Беседовала Юлия Зайцева
Источник - <http://www.blagovest-info.ru>

Из дневников о. Александра Шмемана об о. Виталии Боровом

Вторник, 18 февраля 1975

Вчера — суета в связи с приездом московской церковной делегации. Я был только на завтраке в двенадцать часов, в ресторане, но не на официальном приеме. Сидел с о. В. Боровым, единственный с человеческим и даже страдальческим лицом.

Остальные — какие-то благообразно окаменелые, одинаковые, на одно лицо, с тем же выражением, теми же улыбками.

Я говорю о. В.: «Может быть, заехали бы к нам, в Академию». Он: «Говорите с начальством. Вы

ведь знаете, если пошлют, то мы и к черту поедем...» Нервный, желчный, ехидный, но по отношению «своих»...

Понедельник, 10 марта 1975

Бурная неделя! Три полета: в Питтсбург, Кливленд и Акрон. В пятницу — в Акрон, у о. Иоанна Масона, в очень уютной и доброжелательной атмосфере. Опять собрания, те же разговоры... Вылетаем обратно в субботу в полной темноте при падающем снеге.

В семинарии служит о. Виталий Боровой. После обедни он обращается к студентам. Очень умно, как всегда — мы, мол (то есть теперешние церковные

деятели в России), только удобрение для будущего — и как удобрения (которое иногда плохо пахнет) нас чуждаются. Но Бог и история рассудят...

В 4.30 обед с арх. Владимиром, ректором Московской духовной академии, о. К. Гуняевым (Ленинградская духовная академия), его братом о. Николаем и Боровым. Обмен речами — в речи арх. Владимира слышится обида: что это нас все попрекают нашей «несвободностью». Потом всенощная.

Какой-то осадок на душе — кроме Борового (или он уж слишком умен) все — включая доброжелательство — отдает «официальной» линией... Их закованность!
